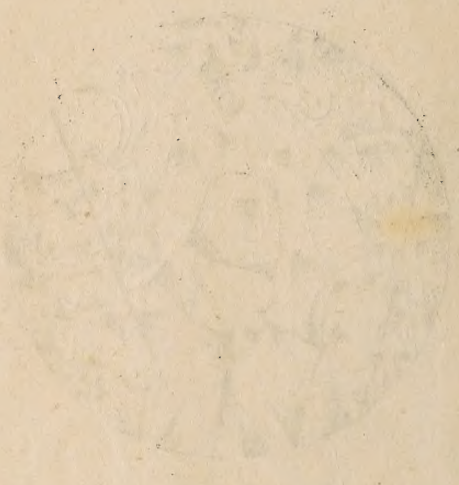
АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

В НИКУДА

„ИМАЖИНИСТЫ“
МОСКВА
1920

12/125.00

К-во
„ИМАЖИНИСТЫ".



АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

В НИКУДА.

Вторая книга строк.

К-во
„ИМАЖИНИСТЫ"
Москва
1920 г.

В НИКУДА.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/vnikudavtoraiakn00kusi

О, вещая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге,
Как бы двойного бытия!...

Ѳ. Тютчев.

АСФАЛЬТОВЫЙ КОВРИК.

Я пред Тобой смиренно опущу ресницы,
Чтоб замолить моих страданий раны.
Я буду перелистывать души моей страницы—
Священного Корана.

Ты кроткий в облаках, быть может, Ты услышишь
Мою молитву дня.—
Мой коврик жемчугом, слезами сердца вышит
Услышь меня.

1918

Разбилось небо черепками звезд,
Зевнул усталой позолотой месяц....
О, если б вбить в рассвет алмазный гвоздь
И жизнь свою на нем повесить!

И в заводь зорь предутренних молитв
Ладони дня мне вознесут смиренье.
Я, буревестник ятаганных битв,
Познал тоску подбитого оленя.

18/VII. 1819.

В асфальтовый скрежет злобы,
В витрины безводных озер,
Я тысячи раз перепробывал
Продрать свой прищуренный взор.

Но кто природнит бедуина
К заветам фабричных труб,—
Даже месяц с пропревшей тины
Скалит желчно свой медный зуб.

На плетне моих дум нагорных
Сердце поет петухом,—
Вот он, мой бред упорный
О счастьи каком?

3/I. 1920.

Брату моему Георгию.

Виснет день виноградной кистью
Сквозь просинь зелено-стеклянный.
Лесным болотцем глаза мои киснут,
А в душу никто не заглянет.

Все чужими проходят мимо...
Любимый.
Любимого нет.—
В траур дум моих Белое Имя
Заронил я на белом коне.

Каждый вздох мой священным колодцем
Хочет небу о чем-то сказать.—
Подбитым галченком клюется
В ресницах скупая слеза.

Всхлипнула злоба двуглавым.
Разве в злобе забвенья искать?
И в небе сегодня плавает
Треугольным отлетом тоска.

Журавли меня тоже покинули,
Серой люлькой качнувшись в окне.
Кто разбил черепок мой глиняный,
Мое счастье в горах на плетне?

1 VII. 1919.

Плывите, плывите, плывите,
Тучи плывите в никуда;
Синей усталью взор мой вытек,
В слепоте моей звездный удар.

Я бескрылый гляжу буревестник
Из под крыши в манящую даль
Разлейтесь свинцевой песней,
Вам никого не жаль.

Вам никого не надо,
Плывите одни в никуда,
Разве в небе страшны преграды?
Разве в небе страшны города?

И высоко, высоко, высоко,
Мое сердце звенит холодком.
День в закате свой белый локоть
Укрывает лиловым платком.

13 IX. 1919.

От пробудности ласточек—до пробудности сов
Я треножу коней, моих дум табун.
Кто с груди моей сбросит незримый засов?—
Ржаньем плачется сердце—нагорный стригун.

Я взлететь не могу ветер крылья задул,
Я уплыть не могу—перебито весло...
Мне бы только вернуться в родимый аул,
Семь небес затрепещут от стрел моих слов.

С утрощебета ласточки -до прозренья совы
Я треножу коней, золотистых коней.—
Не к добру моей грусти в безлунье завыть
Псом, предвестником смерти, ненужных затей.

15/XII. 1919.

Сергею Есенину.

Кудри день.—Это ты в гранях города гость
Сын полей хлебородной тиши.—
Я люблю твоих дум черноземную горсть,
Золотые колосья души.

Я люблю твои лапти сплетенных стихов,
Деревенскую грусть ресниц,
Мне в оковах асфальта с тобою легко
Среди бледных, раздавленных лиц.

Вот и день, как вчерашний, больней и больней,
Скалясь горлом фабричным хрипит.
О, какими молитвами выцветших дней
Мне страданья свои искупить!

Если сердцу вершинному в муках звонков
Полюбились равнины твои,
Где-то там, по горам, далеко, делеко,
Тари звонкий печаль раздвоит.

4/1919.

Брату моему Георгию.

Сквозь ворсу испытанных извилин
Карусели буден я кружу.
Взвыла скорбь—за ночью скрытый филин.
Надрывая жуть.

Дни надежд—кудрявые ягнята
Без меня пасутся на горах.
Я пастух проклятьями запрятан
В этот гулкий, выпученный страх.

И кому поведаю я тайны—
(Только вздохом в небо не мое).
Всем чужой и всем такой случайный.
Без коня с изломанным копьем.

Дай мне меч, преграды я разрушу,
Дай мне меч твоих священных слов.—
Я несу распластанную душу
В розовое стадо моих снов.

Надрывайся, надрывайся, филин,
Слезной цепью взор закован в даль,
Сквозь тоску щетинистых извилин
Взвой в мою печаль.

27/XII. 1919.

Месяц-пастух запрокинул свой красный башлык,
Возвращаясь в аул на пробудную встречу птиц.—
Облака за рассветный плетень зашли
Синим стадом его буйволиц.

Щиплет шерсть на матрацы туман,
Заплетает березка косички,
Спрыгнул с крыши облезлый баран,
Родные орлы в перекличке.

О, четки, янтарные четки мои,
Это вы мне нащелкали детство!
Старым коршуном грусть мои думы таит...
Где ты, мудрый, с легендами, дед мой?

В этот город вз'ерошенный, в этот город чужой,
Занесен я оторванной тучей.
Не сдержать мне медведицей, звездной вожжей
Табуны моих дней бегущих.

6/1919.

Тоска на плетне лошадиным черепом
Скалит зубы сквозь просинь в осеннюю даль.
Я не в горах затерялся ущельями
И не в страхе желанном блуждает печаль.

То смиреной молитвой, то раскатным проклятьем
Я бегущую тучу бессильно ловлю...
Стучись мое сердце—трепещущий дятел,
Слезное небо в ресницах проклюй.

Разве арба проскрипит по Арбату,
Разве душу порадует ржаньем табун.
В аул бы родимый, к вершинам горбатым ..
О, мысль, на чужбине—крылатый скакун!

22.X. 1919.

Брату моему Георгию.

Так щурясь в подресничный гребень,
Тонуть в канве скользящих дум.—
Упругий звон.—Тоскует ум
Подбитым коршуном на небе.

И этот облачный самум —
Поющий траур черный лебедь.
И день, как в выпеченном хлебе
Расстресканным горбом угрюм.

Бессилен я под облаками,
Как пращей выброшенный камень.—
К любимому возврата нет.

Ступней секунд шагает рок.
Пусть молот дня вобьет в сонет
Четырнадцать тревожных строк.

29/IV. 1919.

В. С.

Кузнечики ночь ковали,
В ступеньках теленькал сверчок.
На крыльцо мое звезды упали,
А за звездами звездные дали,
А за далями дали еще.

Эти дали нагорных видений.
Я не в сакле родимой — в избе.
Я целую твои колени,
Но и в этом крылатом пьяненьи
Я орлиной тоски не избег.

Моих дум табуны кабардинок,
Эти рыжие кони надежд.
Мой с грозой в облаках поединок,
Мое детство в распластанных льдинах.
Где ж это, где ж?

Кузнечикам нечего щелкать,
Чеканить свой нечет и чет...
Лиловой расчесанной челкой
Виснет рассвет на елках.—
Протеленькал в ступеньках сверчок.

Село Крылацкое.

1919.

Акростих Е. Ш.

Если я полюбил Ваш немного придушенный голос,
Верьте, так же любил я в напевах тоску сазандари.—
Где-то там, по горам, разольется рыдая мой тари,
Если я полюбил Ваш немного придушенный голос...
Нам там дан Ислам,
Им Ты Алля, Ты, любим там.
Я люблю нежный тари,—я люблю Ваш немного придушенный голос.

1918.

КОЕВАНГЕЛИЕРАН.

Что ждет меня в нигде веков—не знаю,
Иль Аль-Хотама, иль твой Сад—не знаю.
Пророк с крестом не убивал—я знаю,
С мечом Пророк не раз казнил—я знаю.

18/XII. 1919.

О, эта песнь, надломленная грустью,
В колодезь дум так заунывно льнет!
Я знаю, что в твой Сад меня не пустят,
Но тишь мне ночью эту песнь кует.

Ведь знает пес луны не будет в небе,
Когда копытами сверкает конь грозы,
Но воет, скалится, не хочет он во тьме быть
Луну вылизывать под тучу гнет язык.

16/XII. 1919.

Облак атласной туфлей Аллаха
Тонет в ковре бирюзовом,
Я слышу с востока восходные зовы
Ветра в лохматой папахе.

Ступают на радужный мост караваны
Двугорбые вьюки заветно несут,
Я вижу сползают халаты туманов,
Сметая свой бисер-расу.

И рыжее солнце вожатым верблюдом
Лучит свои ноздри новой зарей,
Слушайте, люди! Слушайте, люди,
Уверенный шаг за горой!

Слушайте все, предреку я:—с востока
По строкам библейским идет караван,
Верблюды несут нам Младенца-Пророка,
Несут откровенье непочатых стран.

4 1919.

Душу первой звездой,
В крап разлетный галчат,
В зеленелый застой
Взмах абрека с плеча.

На груди моей крест,
На бедре моем меч,—
Буду плакать и сечь
Облаков белый лес.

Не забудете вы
Этой рубки и слез,
Я из слов синевы
Новых песен принес.

В мир из мира межа—
Взбейся конь на дыбы.
Я погонщиком был
Рыжих зорь верблюжат.

Душу первой звездой
Сквозь накрапы галчат,
В зеленелый застой
Взмах разбойный с плеча,

1/V. 1920.

Грустным тупозвоном в пятносинь потемок
Разбросался дождь по лужицам булавками.
Дрогнет и стучится мне в окно котенок—
Предосенний ветер—с перебитой лапкою.

Зачитаю душу строками Корана,
Опьяню свой страх Евангельским вином—
Свою жизнь несу я жертвенным бараном
И распятым вздохом, зная об ином.

Знаю, что в нигде-то, в семьнебесной дали,
Мое имя шепчет звездный Зодиак.
Вот в туда мне вечность кузнечики сковали,
Стрекотаньем кузню свято затая.

Дрогнущий котенок,— предосенний ветер
Мне в окно стучится с перебитой лапкою.
В пятносинь потемок, в предвечернем свете
Вколотил я тайну в лужицу булавками.

13.XII. 1919.

О, Гавриил, спроси молитвой Бога,
Я одинок, я ничего не знаю.

Усну ли я, иль не усну—не знаю,
Проснусь ли я, иль не проснусь—не знаю.

В душе буравчиком сверлит тревога.
Усну ли я, иль не усну—не знаю.

Паденье звезд предрешено от Бога.
Проснусь ли я, иль не проснусь—не знаю.

Есть в небе путь, а на земле дорога,
Усну ли я, иль не усну—не знаю.

Заря мне выстелет ковром пороги.
Проснусь ли я, иль не проснусь—не знаю.

По стенам тишь незримо катит дроги.
Усну ли я, иль не усну—не знаю.

Мне из-за туч грозит мудрец двурогий.
Проснусь ли я, иль не проснусь—не знаю.

О, Гавриил, спроси молитвой Бога,
Я одинок, я ничего не знаю.

Усну ли я, иль не усну—не знаю,
Проснусь ли я, иль не проснусь—не знаю.

19 XII. 1919.

АЛЬ-БАРРАК.

О, время, грива поределая,
Я заплету тебя стихом:—
Подолгу ничего не делая,
Я мчался на коне лихом.

Уздой порыв, надежда—стремя.
Серебряное стремя дня.
И выстраданный вздох мой семя,
Растущее вокруг меня.

Швырнул я сердце звонко в эхо,
В расстрелянный раскат грозы,—
И пал расколотым орехом
С нагорной выси мой призыв.

Я мчался на коне крылатом
В нельзя, за грани, в никуда,
За мной дома и сакли, хаты,
Аулы, села, города.

Так что-же, разве конь подстрелен,
Иль эхо выкрала заря?—
Все семь небес подперли ели
Моих стихов священный ряд.

Я все познал, еще познаю,
Еще, еще, за мною все,
Мы не в луну собачьим лаем,
Мы в предугаданный рассвет.

Я этот мир в страну другую
Несу в сознательном бреду.
Я радугу, дугу тугую,
Концами жилисто сведу.

О, в дали белая дорога,
О, сладостных темлений рок!..
Нет в небе Бога, кроме Бога,
И Третий Я Его Пророк.

Так мчись же конь, мой конь незримый,
Не поредела грива дней,
В четвертый мир неизмеримый,
В заглохший сад души моей.

14/IV. 1920.

КОЕВАНГЕЛИЕРАН.

Поэма причащения.

1.

Полумесяц и Крест,
Две Молитвы,
Два сердца,
(Только мне—никому не дано)
В моей душе христианского иноверца
Два Солнца,
А в небе одно.

2.

Звездный купол церквей,
Минарет в облаках,
Звон дрожащий в затоне
И крик муэдзина.
Вездесущий Господь,
Милосердный Аллах: —
Ля иля ильля-ль Ла*),
И во Имя Отца
Святого Духа,
И Сына.

---

*) Нет Бога, кроме Бога.

3.

Два Сердца,
Два Сердца,
Два Сердца живых,
Два Сердца, трепещущих разно,
Молитвенно бьются в моей рассеченной груди,—
Вот закутанный в проседь черкес,
Вот под спицами няня,
И мне было рассказано,
Что у Господа Сын есть любимый,
Что Аллах в облаках Един.

4.

Разбрызгалось солнце в небе
Лучами моей души.
Надежд моих радужный гребень
Седину облаков расчеши.

5.

Нет во мне капли черной крови,
Джин не коснулся меня,—
Я родился в базу коровьем
Под сентябрьское ржанье коня.

Заколотым осень верблюдом
Жертвой к рожденью легла,
В замке предугаданным чудом
Припала отмычки игла.

Порешили, что буду немым я,--
Но с червонным пятном на ноге
Я прильнул на сладчайшее вымя,
Когда ночь была в лунной серьге.

Тайну месил я в кизеки,
Выглядывал в базову щель,—
Но вот на лесной засеке
Отыскал я незримую Ель.

Вековая в небо верхушкой,
В рассыпанный солнцем овес –
Я взобрался и в ночь прослушал
Мерцающий шопот звезд.

Сквозь сосцы бедуинки Галимы,
Сквозь дырявый с козленком шатер,
„Я“ проникло в куда-то незримо,
Как кизечный дымок сквозь костер.

Не нагонит напев муэдзина,
Не вернет призывающий звон.
Если глас вопиющий в пустыне
Бросил „Я“ в неисходное „Он“.

6

Высохло озеро Савской царицы,
Захлебнулся Ефрат—и в простор....
Помни, нельзя укрыться,
Если лучится укор.

Так не укрылся Ирод,
Волхвы не пришли к нему—
Помни, отжившему миру
Не избегнуть ответных мук.

Долго будут еще над отцами
Сыпаться слез газыри,
Пока все не проникнут сердцами
В апельсиновый сад зари.

Пока все не умчатся за грани,
За нельзя на крылатом коне,
Будет веков умиранье,
Быть Аль-Хотаме в огне.

Будут еше потопы,
Ковчег и все новый Ной—
На бессильный погибели ропот
Пришел уже Третий, Иной.

Был Назаретский Плотник,
Погонщик Верблюдов был.
Еще один Черный работник
Не поверил,—и молотом взвыл.

Ослята словами запели,
Овцы поклонами в земь—
Прозрели,
Прозрели,
Прозрели,
Два глаза его,—две газели
Из колодца любви Зем-Зем.

7.

Сквозь мудрость сосцов Галимы
Вскормленный ее молоком,
В никуда я проник незримо
Из база кизечным дымком.

1918—1920.

Тоску застывшую бескрылых гор—я знаю,
Их взгляд вершин замоленный в простор—я знаю.

Лишил их Индра взмаха сизых крыл—я знаю,
Не раз их вздох молитвой скорбной выл—я знаю.

И все, что было, все что будет, есть—я знаю.
Смиренье дня и черной ночи месть—я знаю.

И россыпь тайн разорванных комет—я знаю,
И звонкий миг, когда блеснет рассвет—я знаю.

Кто победит—Иран или Туран—я знаю.
Пройдет все страны Красный Ураган—я знаю.

19/XII. 1919.

В НИКУДА.

Вадиму Шершеневичу.

В небе облак лохматой дворняжкой
По собачьему звонко плачет.
Шар земной будет снова в потопе,
Будет все (не вот так), а иначе...

Моя мысль на галопе
Завернулась пристяжкой
И в куда-то неведомо скачет.

30 IV. 1919.

Притти оттуда,
И уйти в туда,
Опять притти,
Опять уйти,
И снова...
О, бред мучительный „в куда"
О, недосказанное слово!

Ночь Ариман и День Ормузд—
Бессмертна смерть в бою вращений,
А сердце затаенный груз
Слепых, блуждалых предрешений.

В скворешник глаз зрачков скворцы
Все тащут с солнц и с лун соломки,-
Но им из золотой ворсы
Гнезда лучистого не скомкать

И мне семь неб не растаскать,
Не перегрызть мне звезд орешки...
И поднебесная тоска,
И взор заплаканный скворешник.

Но палочкой земной оси
Я покачу экватор обручем
В неразгаданную синь,
Прямо в синь,
В туда,
В заоблачье.

26 VII. 1919.

На цыпочках день уходит,
Шепелявит листва в зарю.
В закатную тайну исхода
Я свою жизнь растворю.

Буркой я ночь запрокину,
Опоясусь дымкой веков.
Растворюсь я в небесный иней
Туманов седых стариков.

Звездной молитвой прольется
Небо—священный Коран.
Я увижу как облак пасется
Любимый Аллаха баран.

Буду мудрый пастух-скиталец
С новым безликим лицом.
Шарик земной на палец
Надену себе кольцом.

День присел за холмом на корточки,
Ветерок кувыркнувшись затих,—
Только тело усталое корчится
На аркане раздумий моих.

А в небе на черной феске
Золотой полумесяц прикручен,
Это мой профиль резкий
Вычеканен четко на туче.

6/1919.

Так ничего не делая, как много делал я,
Качая мысли на ресницах сосен.
Я все познаю, вечность затая,
И яблоко земли проткну я новой осью.

Нагорный лес причудливых видений,
Тропинки тайн неперечтенных строк—
Здесь я выслеживал незримого оленя
Моих проглоченных тревог.

О, сколько слов в шуршащем пересвисте
Роняет с крыл совиный перелет,
Когда заря кладет в ладони листьев
Копейки красные своих щедрот.

Туман свисает бородой Пророка...
Я полным сердцем вечер затая,
Поймал звезду, упавшую с востока—
Так ничего не делая, как много делал я.

6/VII. 1919.

Уносился день криком воронья,
Предвечерний час недвижного дрожанья,
В этот час совы свой табун храня,
Познавал я мир в перекличном ржанье.

В этот час всего:—грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья,
Я познал, что не пронзить души,
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромного граната—
Облак—белый конь в сбруе золотой—
Умирал в бою гремящего заката

7 II. 1920.

Дождь мыслей разбросался по лужицам надежд,
А перезвоны ночи, как и всегда, все те ж.

Не одолеть мне муку тоскующей души,
Как перезвону ночи не заглушить тиши.

Так кляче, надрываясь, не вылезть сквозь хомут,
Над ней благословением визжит все тот же кнут.

Но есть иные дали за далями надежд—
То день мой достижения в зарю застывших вежд.

26/II. 1920.

Затеряться, забиться мне где бы,
Как в плетне черепок кувшина -
Я люблю предвечернее небо,
Когда лапу сосет тишина.

Я люблю, когда вымытой шерстью
Уплывают в затон облака,
Когда выронит ветер свой перстень
И опустит туман рукава.

Быть неслышным, никем незамеченным,
На луну заронить свою тень...
Если б мог я рябиновым вечером
Черепком затаиться в плетень....

29/VII. 1919.

Дырявый шатер моих дум
Штопают спицы луны.
Я звездные тайны краду
Вбивать золотые клины

Недостижений червь
Дни просверлит в виске,—
Поэт, никому не верь,
Даже в надломной тоске.

Твой неисходный день
Сердцем стучится в Сад,
Так в голубой плетень
Лапой зари лиса.

5-V. 1920.

Смотрю на себя подолгу
В зеркало закрытых глаз.
Только ночью так остро и колко
Вонзается в душу игла.

То белой, то черной ниткой
Тянутся прошлые дни.
Ползет в позвонке улиткой
Тайна неведомых книг.

Тону в тихопаде звонком.
Захлебываясь, тону.
Полосует зигзагами тонко
Пронзительный звездный кнут.

Пусть в душу вонзается колко
Моих дум невидимка-игла.
Каждой ночью я вижу себя подолгу
В зеркале сильно зажмуренных глаз.

20 XII. 1919.

На небесном минарете белый месяц в час совы
И созывает звезды ветер муэдзином в час совы.

Лес нахмурил брови сосен, распахнул туман халат,
Вяжет тишь чуть слышно сети дрожью веток в час совы.

В мерном сердце лень услады, розовеющий твой Сад,
И заря рукой в браслете нежит небо в час совы.

Сон лиловых умираний сквозь оранжевый оклад
Так бесследно вечность метит, ускользая в час совы.

В семнебесье дымкой тонет запрокинутый мой взгляд,
Раньше б ветра звезды встретить на молитву в час совы.

Нет протоптанных тропинок, нет столкнувшихся преград.
В бездорожье вечность светит онеменьем в час совы.

Смерти нет — есть умиранье. Звезды гаснут и горят —
Кто в нигде себя не встретит, умирая в час совы.

24 XII. 1919.

С веток ночь, серой птицей вспорхнувши,
Прошуршала в лиловый простор,
И месяц золотым бумерангом взметнувшись
Возвращался в поля за бугор.

Кто-то небо чернилами залил,
Сползали пятен круги.
Розовея впрягались дали
В зарево звонкой дуги.

Так поехать бы в дрожках рассвета,
В облака по проселкам вскачь;
В небе предутреннем лето
Расстилает дрожащий кумач.

Белое стадо баранов
Голубея ползет...
Мою душу утром рано
Моет лапой на крыше кот.

III. 1919.

Качанье ряби, облак тощий,
Зрачком умершим день застыл,
И грусть—березовая роща—
Роняет желтых слов листы.

Они улягутся в тропинки
Моих осенних, первых строк
И буквы хрупкие пылинки
Озолотят свой перескок.

Чирикнут рифмы воробьями
С горбатых крыш стихов моих...
О, ты душа, зеркальный пламень
Все отраженья затаи!

III. 1920.

Брату моему Георгию.

Сползает небо серой пленкой,
В косынке вечер тишь вязал,
И дождь серебряной гребенкой
Кудряшки веток расчесал.

Зачем мне мудростью лукавить,
Предсказывать второй потоп?
Зачем хватать звезду руками
И морщить в толстых книгах лоб?

Пусть шар земной в сединах кружится—
Меня иным родил Аллах.
Луна упала с неба в лужицу
Купаться в золотых кругах.

22 VII. 1919.

Какие-то смутные дали,
Бездумная лень зевот.
На груде каких развалин
Я отрешусь от всего.

Я разлюблю свой томик
Связанных песен узлом,
И буря веков надломит
Звездную ветку слов.

Небо не вспыхнет пожаром,
Зори—горящий лед.
И верблюды на тряской мажаре
Свезут мой разорванный слет.

О, не сшибить мне камнем
С туч стервенелый оскал....
Бьется в клетке о давнем
Перепелом тоска.

Но ведь грядущее близко
В Кубань затонуло „нельзя“...
Вытрескнул первые искры
Тлеющей ночи кизяк.

В длительно-сладостном роке
К мысли крадусь с ключом,
Знаю, что просятся строки,
Но подолгу не знаю о чем.

9 V. 1920.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

. 1
. 2
Марка издательства 3
. 4
Титульный лист 5
. 6
Посвящение 7
. 8
Портрет поэта 9
. 10
В никуда 11
. 12
Эпигр. из Тютчева: «О, вещая душа моя 13
. 14
Асфальтовый коврик 15
. 16
Я пред тобой смиренно опущу ресницы 17
Разбилось небо черепками звезд 18
В асфальтовый скрежет злобы 19
Виснет день виноградной кистью 20
Всхлипнула злоба двуглавым 21
Плывите, плывите, плывите 22
От пробудности ласточек 23
Кудри день 24
Сквозь ворсу испытанных извилин 25
Дай мне меч, преграды я разрушу 26
Месяц пастух 27
Тоска на плетне лошадиным черепом 28
Брату моему Георгию 29
В. С. 30
Моих дум табуны кабардинок 31
Акростих Е. Ш. 32
Коевангелиеран 33
. 34
Что ждет меня в нигде веков—не знаю 35
О, эта песнь надломленная грустью 36
Облак атласной туфлей Аллаха 37
Душу первой звездой 38

Стр.
В мир из мира межа 39
Грустным тупозвоном в пятносинь потемок 40
Знаю, что в нигде-то, в семнебесной дали 41
О, Гавриил, спроси молитвой Бога 42
Заря мне выстелет ковром дороги 43
Аль-Баррак 44
Швырнул я сердце звонко в эхо 45
О, в дали белая дорога 46
Коевангелиеран 47
Два сердца 48
Порешили, что буду немым я 49
Высохло озеро Савской царицы 50
Был Назаретский Плотник 51
Тоску застывшую бескрылых гор—я знаю 52
В никуда 53
. 54
В небе облак лохматой дворняжкой 55
Притти оттуда 56
И мне семь неб не растаскать 57
На цыпочках день уходит 58
Буду мудрый пастух-скиталец 59
Так ничего не делая, как много делал я 60
Уносился день криком воронья 61
Дождь мыслей разбросался по лужицам надежд 62
Затеряться, забиться мне где бы 63
Дырявый шатер моих дум 64
Смотрю на себя подолгу 65
На небесном минарете белый месяц в час совы 66
Сон лиловых умираний сквозь оранжевый оклад 67
С веток ночь серой птицей вспорхнувши 68
Качанье ряби, облак тощий 69
Брату моему Георгию 70
Какие-то смутные дали 71
О, не сшибить мне камнем 72
Оглавление 73
От издательства 74
Перечень стихов 75
» » 76
Книги Александра Кусикова 77
Каталог книгоиздательства «Имажинисты» 78
» » » 79
. 80

SPECIAL 88-B
30895

СКЛАД ИЗДАНИЯ
«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПОЭТОВ»
МОСКВА, КАМЕРГЕРСКИЙ ПЕР., ДОМ № 2.

Тираж 7000 экз.